

- Pancchava L., Maisuradze V., Gobedišvili G.* 2001. Towards dating burial № 12 excavated at Brili necropolis in 1939 // *Dziebani* 8, 2001, 39–48 (на груз. яз., резюме на англ. яз.).
- Reinhold S.* 2005a. Frauenkultur — Männerkultur? Zur Möglichkeit geschlechtsspezifischer Kommunikationsräume in der älteren Eisenzeit Kaukasiens // Koch J., Fries J. (Hrsg.). *Ausgegraben zwischen Materialclustern und Zeitscheiben. Perspektiven zur archäologischen Geschlechterforschung.* Münster: Waxmann-Verlag, 95–125.
- Reinhold S.* 2005b. Warriors of the Caucasian Late Bronze and Early Iron Ages // Гуляев В. И. (ред.). *Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья.* Москва: ИА РАН, 228–247.
- Reinhold S.* 2007. *Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.
- Sikojev A.* 2005. *Kinder der Sonne 2005. Kinder der Sonne. Die Narten — das große Epos des Kaukasus.* Kreuzlingen; München: Hugendubel.
- Shami S.* 1999. Engendering social memory. Domestic rituals, resistance and identity in the North Caucasus // Acar F., Günes-Ayata A. (Hrsg.). *Gender and Identity Construction. Women of Central Asia, the Caucasus and Turkey.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 306–331.

Сулава Н. О.

С интересными и многочисленными работами Б. Тержан, которые хронологически охватывают эпоху поздней бронзы и ранний железный век, а географически — довольно большой ареал от Балкан до Кавказа, я знакома уже давно. А со статьей с «интригующим» и многообещающим названием «Das Land der Medeia?» я ознакомилась еще в 1995 г. На основе этой статьи и представлена данная публикация, комментарии к которой мне любезно предложили сделать для *Российского археологического ежегодника*. Хотя комментарии кажутся мне несколько запоздалыми, несмотря на новую переработку статьи, и не такими уже и важными, исходя из поставленной в данной статье «проблематики». Но я согласилась представить комментарии хотя бы для того, чтобы ознакомить автора данной статьи (и не только его) с новой литературой и незнакомым, как мне представляется, ей мнением, существующим в научной литературе и которое желательно бы учитывать. Этим, надеюсь, я окажу услугу и ей, и заинтересованным этими вопросами коллегам, а также еще раз подчеркну существование иного мнения и подхода¹.

¹ Естественно, комментировать данную статью, не касаясь тех мнений, которые существуют вокруг таких важных вопросов, как типология, хронология, генезис, ареал **колхидско-кобанской бронзы** невозможно, как и объять все проблемные вопросы. Так, термин **колхидско-кобанская бронза**, не без основания, ввел в научный оборот Б. А. Куфтин, но оказалось, что А. Ю. Скаковым он комментируется как «**некая** колхидско-кобанская бронза» (Скаков 2010: 9).

Интерес археологов-специалистов к Кавказу возник и, естественно, продолжает существовать главным образом вследствие открытия Кобанского могильника, в материалах которого сразу же подметили сходство с европейскими находками. Это сходство, которое проявляется во многих артефактах: керамика с зооморфными ушками, фибулы, очкообразные подвески-крючки, височные кольца, браслеты и шейные гривны со спиралевидными окончаниями, бронзовые сосуды, гравировка, изображения «фантастических» животных (собака-волк?) и т. д., — по моему мнению, можно объяснить (пока все еще очень осторожно) контактами (Сулава 2003: 70–74, 2006; Sulava 2010: 154–159, 2011: 186–187; и др.).

Естественно, появляется необходимость хронологически как-то определить и, если возможно, синхронизировать аналогичные материалы Европы и Кавказа. Самым показательным для этой цели кавказским памятником, на который можно опереться, считается могильник Тлиа². В отличие от самого Кобанского могильника, где пока удается восстановить только единичные комплексы, находки из Тлиа тесно переплетаются, в свою очередь, с **колхидско-кобанским** материалом (т. е. с теми артефактами, при анализе которых видится сходство) и связаны с ним вопросами типологии, хронологии и генезиса. Общеизвестно, что «в связи с сущностью и взаимоотношениями **колхидской** и **кобанской** культур в специальной археологической литературе на сегодняшний день бытует три различных точки зрения: согласно первой, центром кобанской культуры является Колхида (М. М. Иващенко, И. И. Мещанинов, А. А. Иессен, А. Н. Каландадзе); согласно второй — колхидская и кобанская культуры идентичны (Б. А. Куфтин, Ю. Н. Воронов, Дж. Апакидзе), а, по мнению третьих, — это две различные культуры, находящиеся в тесном взаимодействии друг с другом (О. М. Джапаридзе, Е. И. Крупнов, Д. Л. Коридзе, Б. В. Техов, Т. К. Микеладзе, Л. С. Сахарова, В. И. Козенкова, А. Ю. Скаков). Несмотря на дискуссию, продолжающуюся в течение многих лет, прийти к единому мнению пока не удастся, и этот вопрос по-прежнему остается актуальным» (см.: Иващенко 1941: 1–66; Иессен 1935: 7 и сл.; Каландадзе 1953; Куфтин 1944: 291 и сл., 1949, 1950; Воронов 1984; Аракидзе 2009; Джапаридзе 1989; Крупнов 1960; Коридзе 1965; Техов 1977; Микеладзе 1974, 1978, 1985; Панцхава 1986: 23–35; Козенкова 1996; Скаков 2005: 16–24; и мн. др.)³. Вслед за Б. А. Куфтиным, мы склонны данный материал, исходя из современного состояния исследований, именовать **колхидско-кобанской бронзой** (Панцхава и др. 2003: 102–117). Этой цитатой я бы хотела подчеркнуть, что в археологии позднебронзового века Кавказа многое надо будет пересмотреть и, возможно, заново переосмыслить⁴. Надо отметить, что почти все вопросы, касающиеся колхидско-кобанских проблем, собраны и подробно изложены в последней работе Дж. Апакидзе, чем

² Более правильное название — «Тлиа» (ср.: ГСЭ 1979: 686–687). Интересен тот факт, что деревня под названием Тлиа есть и в Имеретии (Самтредийский район) на берегу р. Цхенисцкали (Bedoshvili 2002: 556–558).

³ Об актуальности вопроса также свидетельствуют многочисленные работы А. Ю. Скакова.

⁴ Особенно вопросы хронологии в связи с накоплением огромного количества материала и новых, пока еще малочисленных данных по датировкам.

он оказал большую услугу исследователям кавказских древностей (Apakidze 2009).

В своей статье Б. Тержан не касается специально вопросов культурной принадлежности и хронологии Тлийского могильника, но за основу хронологии памятника ей взято предложенное Г. Коссаком хронологическое членение и выделенные им периоды существования могильника Тлиа⁵. А приводя монографию Дж. Апакидзе, в которой рассматриваются проблемы хронологии и культурно-исторической интерпретации аналогичных культур и культурных групп Западного и Центрального Кавказа (Apakidze 2009), Б. Тержан, фактически, соглашается с его точкой зрения, что колхидская и кобанская культуры **идентичны**. Б. Тержан также отмечает, что в последнее время появилось несколько новых работ, в частности, исследование С. Райнхольд, в котором представлена новая переработка, систематизация и более дифференцированный подход в отношении хронологии, социальной структуры и культурно-исторической интерпретации культур и культурных групп позднего бронзового и раннего железного веков на Кавказе, в том числе рассматриваются материалы из могильника Тлиа (Reinhold 2007).

Исходя из того что тлийский материал также принадлежит к колхидско-кобанской бронзе, и к тому же Тлийский могильник, в отличие от Кобанского, полностью опубликован комплексами (Техов 1980, 1981, 1985, 2002), его материалы неоднократно рассматриваются исследователями. Кроме самого Б. В. Техова о хронологии Тлийского могильника высказывались все те ученые, которые изучали и продолжают изучать колхидскую и колхидско-кобанскую проблематику (О. Джапаридзе, Д. Коридзе, Б. Техов, Ю. Воронов, Л. Панцхава, Т. Микеладзе, О. Лордкипанидзе, М. Барамидзе, Л. Сахарова, Р. Папуашвили, Н. Сулава, Дж. Апакидзе и др.). На сегодняшний день существует несколько различных датировок (Л. Н. Панцхава, Ю. Н. Воронов, А. Ю. Скаков) и схем периодизации Тлийского могильника (Kossack 1983: 89–186; Воронов 1983: 29–33, 1984; Pruß 1990, 1993: 25–48, 1994: 13–22; Sulava 2000: 38–45, 2011; Apakidze 2002, 2009; Сулава 2004: 110–114, 2006; и др.).

Поскольку в связи с изучением кавказских фибул мне также пришлось более углубленно изучать вопросы хронологии Тлийского могильника (Sulava 2000: 38–45; Сулава 2004: 110–114, 2006; Sulava 2011), я постараюсь вкратце изложить суть (основу) моей хронологии и причину того, почему необходимо отказаться от существующих хронологических схем.

В 154 тлийских комплексах с фибулами, содержащих 135 бронзовых изделий этой категории и 33 железных (Техов 1980, 1981, 1985)⁶, мною выделены

⁵ По моему мнению, главный недостаток хронологии Г. Коссака в том, что он опирается на один-единственный, и то сомнительный, артефакт из Змейского поселения. Ср.: «более сложна **булавка** с расплюснутым и загнутым, наподобие приемника фибулы, концом и головкой в виде спирали в три оборота с обломанным концом» (Деопик, Крупнов 1961: 28; Sulava 2011: 10, 89–90). Но дело в том, что очень трудно найти хорошие реперы для XI, X и IX в. до н. э. не только на Кавказе.

⁶ Последняя монография Б. В. Техова (2002), к сожалению, в моей работе (Sulava 2011) не учтена в связи с тем, что книга к нам попала сравнительно недавно. Но в своей моно-

четыре типолого-хронологические группы, последовательность которых обусловлена сменой материала (бронза, железо) и типов оружия. Ретроспективное разложение комплексов и хорошо датированный параллельный материал позволили установить абсолютную хронологию⁷.

Комплексы **I группы**⁸ содержат только железное оружие (топоры, кинжалы, ножи). Их можно отнести к VI в. до н. э. или к первой половине того же столетия, основываясь на материале комплексов Брильского могильника (Горная Колхида, Рача, верховья р. Риони), содержащих акинаки, серьги (-подвески) с лучами, датировку которых определяют находки данного типа подвесок в сопровождении греческого импорта (Чкония 1981: 17–21).

В комплексах **II группы**⁹ кинжалы всех типов исключительно железные, топоры же — из бронзы. Эту группа относится ко второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. Опорой такой датировки является основанная на типологических признаках дата биметаллического акинака из Тлийского погребения 85 — вторая половина VII — первая половина VI в. до н. э. (Пирцхалава 1978: 34–35; Pirtskhalava 1995: 53–62, 2001: 77–86).

В **III группу**¹⁰ включены погребения, в инвентаре которых находится только бронзовое оружие — так называемые колхидские топоры (Сахарова 1998: 34–42) и кинжалы разных типов, совершенно отличающихся от типов кинжалов II группы. Эту группу считаю возможным датировать второй половиной VIII в. до н. э., исходя из полного соответствия кинжалов этой группы известным образцам из памятников VIII–VII вв. до н. э. (Эргета, Уреки, Нигвзиани, Палури, Мухурча, Бомбора, Приморское) (Папуашвили 1998: 29–32).

IV группа¹¹ комплексов содержит опять же исключительно бронзовое оружие — колхидские топоры и те типы кинжалов (пламевидные с широким ребром), которые отсутствуют в погребениях с фибулами предыдущей группы. Эту группа, по моему мнению, относится к рубежу IX–VIII и первой половине VIII в. до н. э., так как идентичный Тлийскому материал (кинжалы, керамика)

графию я отмечаю, что если мое типологическое построение кавказских фибул правильно, то в эту схему легко можно будет добавить соответствующие типы.

⁷ Любая абсолютная хронология не будет «абсолютной», пока у нас не будет материала, датированного физическим методом, или же материала в виде твердо датированных импортных артефактов.

⁸ **I группа** — погребения № 16b, 31, 54, 90, 92, 103, 120, 135, 136, 138, 143, 147, 152, 158/2, 169, 172, 173, 183, 197, 232, 238, 240, 242, 246, 265, 274, 304, 306, 314, 322, 327, 328, 329 (Sulava 2000: 38–45; Сулава 2006: 114; Sulava 2011: 63, рис. 28).

⁹ **II группа** — погребения № 30, 34, 41, 49, 53, 68, 69, 84, 85, 87, 93, 106, 109, 114, 123, 129, 130, 139, 140, 144, 163, 167, 186, 188, 191, 198, 205, 209, 215a, 216, 223, 226, 233, 239, 248, 252, 255, 257, 267, 269, 271, 275, 277, 297 (? — Н. С.), 298, 300, 301, 308, 309, 316, 324, 330, 331, 333 (Sulava 2000: 38–45; Сулава 2006: 115–116; Sulava 2011: 65, рис. 29).

¹⁰ **III группа** — погребения № 15, 16a, 22, 32, 51, 57, 63, 66, 76, 79, 86, 97, 98, 99, 109, 112, 146a, 156, 159, 160, 161, 165, 167a, 190, 209, 221, 228, 229, 231, 234, 249, 254, 259, 262, 264, 266, 273, 278, 282, 287, 293, 302, 310, 317 (Sulava 2000: 38–45; Сулава 2006: 117; Sulava 2011: 67, рис. 30).

¹¹ **IV группа** — погребения № 17, 23a, 37, 48, 52, 64, 83, 115 (Sulava 2000: 38–45; Сулава 2006: 118; Sulava 2011: 69, рис. 31).

имеется среди памятников, датирующихся VIII–VII вв. до н. э. (Брилы, Каменомостск, Цхета) (Гобеджишвили 1952: 99, табл. XLI; Панцхава 1988: 58; Сахарова 1976: 102–103, табл. V).

Правомерность¹² такой хронологии Тлийских комплексов с фибулами подтверждается наличием самых ранних типов фибул, аналогичных фибулам IV группы Тлиа (фибулы с низкой дугой и фибулы с асимметричной дугой), в колхидских памятниках Уреки, Нигвзиани, Мухурча, Дгваба, Красный маяк (Sulava 2011), которые датируются VIII–VII вв. до н. э.¹³ Именно этот момент — идентичность ранних фибул Восточного Причерноморья с ранними фибулами Тлиа¹⁴ и в то же время расхождение в датировке¹⁵ — подтолкнули меня пересмотреть¹⁶ существующую хронологию Тлийского могильника.

VIII–VII вв. до н. э. в Восточном Причерноморье (Колхида) характеризуются демографической насыщенностью (Лордкипанидзе, Микеладзе 1981: 292–315; Лордкипанидзе 2002: 154, рис. 155). Это подтверждается открытиями на этой территории многочисленных поселений (Mikeladze, Chachutaišwili 1984: 199–226; Apakidze 2009; Джибладзе 2007: табл. I), могильников (Микеладзе 1985; Mikeladze 1995: 1–22; Гогадзе и др. 1977: 60–71, 1978: 53–61, 1984: 28–54; Папуашвили 1998) и кладов (Lordkipanidze 2001: 178–194). Отмечу также памятники и артефакты, связанные с бронзовой металлургией: древние горнорудные выработки меди, многочисленные слитки и разные литейные формы, всего более 130 ед. (см. Сахарова, Сулава (в печати); Sulawa 2001a: 186–187; Sulawa

¹² Предложенная хронологическая последовательность комплексов дает нам возможность проследить «развитие» того или другого артефакта и выявить основу для его типологической классификации, что и было мною сделано для фибул (см. Sulava 2011).

¹³ Хотя надо отметить, что в последнее время появилась как возможность удревнения Колхидских могильников (Папуашвили 1999: 3–9, 2011: 79–92), так и возможность омолаживания так называемых полуовальных поясных пряжек (см. Техов 2002: 29, рис. 65, табл. 54: 5). Такие поясные пряжки, на основе погребения Самтаврского могильника с полуовальными поясными пряжками, считались своего рода маркирующим артефактом для датировки кобанских бронз (см. Козенкова 1996: 116). Здесь хочется отметить, что по проведенным в Лионе анализам есть датировки погребений 9 и 12 Кобанского могильника X–IX вв. до н. э., содержащих полуовальные поясные пряжки (Bedianashvili, Bodet 2010: 278–292). Но, к сожалению, положиться можно только на серию анализов. Несмотря на малочисленность данных в пользу «удревнения» Колхидских могильников (как Центральной, так и Северо-Западной Колхиды), нам кажется, что эта возможность появится в связи с накоплением новых надежно датированных материалов. А пока, по нашему мнению, погребения с ранними фибулами из Тлиа и Колхиды должны датироваться VIII в. до н. э.

¹⁴ Не говоря об аналогичных материалах: бронзовых топорах, кинжальных клинках, поясах, фигурках, браслетах, подвесках с головками «фантастического» животного (собака-волк?), керамике с каннелюрами и зооморфными ушками (хотя и в малом количестве в Тлиа).

¹⁵ Это неоднократно обсуждается и в работах А. Ю. Скакова. Так как я тоже придерживаюсь «короткой» хронологии, хочется заметить, что ни в одной работе А. Ю. Скакова, где фигурируют XI, X, IX вв. до н. э., не приводится материал (ни один артефакт), который твердо датировался бы данным периодом и на который можно было бы опереться.

¹⁶ В последнее время одним из существенных и критических подходов к хронологии колхидской культуры можно назвать подход, сформулированный в статье А. Ю. Скакова (Скаков 2005: 16–24).

20016: 375; Sulava 2008: 299–305), а также очень ранние¹⁷ и весьма многочисленными железоплавильными мастерскими (см. Хахутаишвили 1987; Лордкипанидзе 1989: 229–230, 2002: 154, 164–165. Khakhutaishvili D. 2009; Khakhutaishvili N. 2005: 80–87, 2009: 90–107; Инанишвили и др. 2010). Здесь же стоит упомянуть и появление первого импорта (с конца VIII–VII в. до н. э.) в виде фибул¹⁸. Все эти компоненты обуславливали формирование колхидской культуры именно в равнинной зоне Западной Грузии (Лордкипанидзе 1989: 200–201, 2002: 125–140).

Такова ситуация в ареале «колхидско-кобанской» бронзы¹⁹.

Возвращаясь к обсуждаемой статье Б. Тержан, стоит отметить, что в Тлийском могильнике раскопано около 500 захоронений (Техов 1980, 1981, 1985, 2002), но ни в одном из них Б. В. Теховым не засвидетельствованы «коллективные погребения» и погребения в бронзовых сосудах. Что касается нескольких костей, оказавшихся, вероятно, при очистке погребения в бронзовой миске, их нельзя считать специально (умышленно) помещенными в бронзовый сосуд (см. статью Б. Тержан). Относительно суждений о климатических условиях²⁰, рельефе местности (т. е. местоположении памятника) и о захоронениях в течение бесснежных месяцев года, и о том, что в зимнее время «умершие должны были долгое время оставаться на территории поселения, в том числе где-то отдельно сохраняться» (см. статью Б. Тержан), то этому можно дать и другую интерпретацию.

О коллективных погребениях и о предполагаемом поселении Б. В. Техов нигде не упоминает. Я также придерживаюсь мнения, что археологическая культура колхов в определенный период проникает на Северный Кавказ (как раньше считал и сам Б. В. Техов — см. Техов 1977: 192), а не наоборот. Поэтому можно предположить, что если могильник²¹ принадлежал поднимавшимся

¹⁷ Появившаяся возможность заново пере проверить и проанализировать памятники производства железа (железоплавильные мастерские) Западной Грузии, надеемся, даст новые данные.

¹⁸ Например, ладьевидные фибулы (Новый Афон, Псирцха — Куфтин 1949: 160–161, рис. 293; Лукин 1941: 43–45; Сулава 1999а: 280–281, 1999б: 31, 63; Sulava 2001с: 74–76, 2002: 273–275; Сулава 2006: 90; Sulava 2011: 159–161); фибулы с подушковидной дугой (Красный Маяк, погребения № 6, 12, 21 — Трапш 1969: 87–88, 93, 98–101; Сулава 2003: 70–74, 2006: 90; Sulava 2011: 157–159); фибула с полой дугой (Куланурхва — Сулава 2006: 90; Sulava 2011: 162–163); фибула с гребневидной дугой (Кистрик — Бжания и др. 1982: 12–13; Долидзе 1999: 36, 67; Sulava 2001с: 74–76; Сулава 2006: 90; Sulava 2011: 163–164); фибула с плоской полуовальной дугой (Уреки, погребение № 3 — Микеладзе 1985: 47, 103; Sulava 2001с: 71–72; Сулава 2006: 90–91; Sulava 2011: 165–166). Также см.: Лордкипанидзе 2002: 184–191.

¹⁹ Еще раз подчеркиваем необходимость применения этого термина.

²⁰ Согласно В. Л. Ростунову и М. И. Сикорскому, Северо-Осетинская предгорная равнина «с наступлением похолоданий суббореального периода и ледниковыми подвижками в горах (2500–500 гг. до н. э.) <...>» была заселена во второй четверти — середине II тыс. до н. э. (Ростунов, Сикорский 1998: 106–108).

²¹ Если сравнить Тлийский могильник с могильниками Колхиды (Уреки, Нигвзиани, Эргета, Цаиши), то он сильно уступает по количеству погребенных, что нам представляется естественным.

(неоднократно) на горные пастбища²² в летний сезон одним и тем же племенам, то этим и могут быть объяснены зафиксированные здесь факты, а именно: отсутствие одновременного поселения; сами типы захоронений (каменная выкладка в земляной яме; ингумация; индивидуальные, парные или, реже, коллективные захоронения; использование несколько раз одной могилы), отличающиеся от захоронений на низменности; одинаковый состав инвентаря в Тлийских могильных комплексах и в могильниках низменности; фактическое отсутствие керамики, вместо которой — бронзовые кружки-ситулы, похожие на колхидскую керамику, а также то, что имеющаяся при этом немногочисленная керамика очень похожа на колхидскую керамику (например, так называемые зооморфные ушки, каннелюры); отсутствие орудий труда²³.

Конечно, очень интересен проведенный Б. Тержан «анализ и корреляция погребального инвентаря», в результате которого был сделан вывод о том, что **в мужских погребениях** «первую группу (кинжал-топор) составили захоронения взрослых воинов высокого ранга («предводители»), ко второй группе (кинжал) относились также могилы взрослых воинов, ранг которых был ниже, а третью группу (топор) составляли погребения мальчиков и юношей»; а также о том, что **в женских погребениях**, как и в мужских погребениях, «представлены различные возрастные категории и отдельные статусные группы — как это проявлялось в мужских захоронениях сочетанием оружия и более или менее богатыми деталями костюма (рис. 3–5)» (см. статью Б. Тержан). Но этот «анализ и корреляция погребального инвентаря» не открывает ничего нового и неизвестного, а только еще раз констатирует существующую социальную картину в Тлийском могильнике.

Интересна констатация факта, что мелкая пластика на Тлийском могильнике «клялась не произвольно, а согласно установленным определенным правилам. Поразительно, но фигурки барана находились исключительно в женских погребениях, а также в тех парных и коллективных захоронениях, где, как минимум, присутствовала одна женщина, и в одном детском (погребение 97). Фигурки собак и лошадей также являются характерным погребальным инвентарем женских захоронений. Напротив, фигурки быков, оленей и птиц находятся преимущественно в мужских погребениях или в тех парных и коллективных захоронениях, в которых, по меньшей мере, присутствовал умерший мужчина. Таким образом, отчетливо прослеживается, что в зависимости от пола умершего в захоронения клялись фигурки определенных видов животных: в женские —

²² Это могли быть племена, посезонно занимавшиеся металлургией, однако это остается пока лишь предположением из-за отсутствия соответствующих данных (материалов). Напротив, в соседних районах (Лечхуми, Рача) открыты поселения (в Лечхуми — Цхета, Дгнориса), могильники (в Рача — Брили, в Лечхуми — Гона), свидетельства металлургии: в Рача — горная, в Лечхуми — в большом количестве остатки, связанные с горной металлургией и артефакты, связанные с медной металлургией (например, литейная форма: см. Sulawa 2001a: 186–187, 2001b: 375; Sulawa 2008: 299–305) и с железоплавильным делом (Gabidsaschwili et al. 2004: 121–123).

²³ Еще Ю. Н. Воронов заметил, критикуя хронологическую схему Б. В. Техова, что «создается впечатление, что на протяжении 600 лет местная материальная культура, зародившись внезапно во всех своих классических формах вне видимой связи с более ранними памятниками где-то в середине XII в. до н. э., находилась в полном застое до VII в. до н. э., когда в ее среду начали проникать памятники скифского облика» (Воронов 1980: 201).

баран, собака и лошадь, в мужские — бык, олень и птица» (см. статью Б. Тержан). Эта закономерность также свидетельствует о социальном статусе и, конечно же, о верованиях, идеологической общности племен, которые были распространены (со всем присущим Кавказу многообразием) на большой территории от восточного побережья Черного моря, включая Центральный Кавказ²⁴. А что касается конкретно верований этих древних народов, то это отдельная, обширная и глубокая тема, которую никак невозможно решить ни объемом статьи Б. Тержан, ни тем более комментариями к ней.

Что касается дальнейшего, то суждения, которые почему-то должны нас привести к тому, чтобы в погребальных обрядах и обычаях могильника Тлия мы увидели отдельные элементы мифа именно о Медее, кажутся очень неубедительными и, можно сказать, искусственными²⁵.

Связывая миф о Медее с женскими погребениями именно Тлийского могильника, мы оказываемся перед проблемой, которую Б. Тержан игнорирует. В первую очередь, встают вопросы относительно хронологии: как все-таки датируются тлийские погребения; как эта датировка сочетается с датировкой мифа; как регион, где находится могильник Тлия, увязывается с Колхидой (с родиной Медеи) и ее локализацией; как отразился миф на Кавказе и Кавказ на мифе?²⁶

По логике Б. Тержан, «судя по карте распространения подвесок с головой барана²⁷, в центрально-кавказском регионе выделяется компактная область не только с одинаковой символикой животных, но также сходными погребальными ритуалами и культами, приравненная к центральному варианту кобанской культуры». Это значит, что Центральный Кавказ, то есть так называемая кобано-тлийская культура (см. Техов 2002), и есть Колхида, родина Медеи?

Литература

- Бжания Б. Б., Кобахия Б. С., Хибба З. А.* 1982. Охранные раскопки Кистрика // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 12–14.
- Воронов Ю. Н.* 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Тереножкин А. И. (ред.). Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 200–218.

²⁴ На эту идеологическую общность у племен — носителей колхидской и кобанской культур указывал еще О. М. Джапаридзе (1989: 137). О. Лордкипанидзе отметил конкретный феномен, который мог бы стать объединяющим как в этническом, так и в идеологическом плане — это сакральное предназначение бронзовых кладов: территория, оконтуренная кладами, должна принадлежать к племенам одного религиозного представления и одной этнической группы (Lordkipanidze 2001: 178–194).

²⁵ Непонятно почему, каким это образом: «Баран и баранья шкура, **как рудные месторождения и добыча руды** (выделено мной. — Н. С.), ассоциируются с Медеей и Колхидой или с богатым рудами Кавказом, где находится легендарное Золотое руно, обладатель которого приобретает всемогущество и богатство» (см. статью Б. Тержан).

²⁶ О мифах, связанных с Колхидой, и их отражении в раннегреческой культуре см. Лордкипанидзе 2002: 140–153; Lordkipanidze N. 2002, 2004.

²⁷ Подвески с головой барана и другая символика, указывающая на образ барана, распространены в довольно обширном ареале.

- Воронов Ю. Н. 1983. Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи // КСИА 176, 29–33.
- Воронов Ю. Н. 1984. Восточное Причерноморье в железном веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Гобеджишвили Г. 1952. არქეოლოგიური გათხრები საბჭოთა საქართველოში. თბილისი: საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია (Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР).
- Гогодзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В. 1977. Работы Носири-Мухурчской археологической экспедиции в 1974–1975 гг. // АЭГМГ V, 60–71.
- Гогодзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В., Коридзе И. Д. 1978. Результаты работ Носири-Мухурчской экспедиции за 1976–1977 гг. // АЭГМГ VI, 53–61.
- Гогодзе Э. М. 1984. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры // ВГМГ XXXVII-B, 28–54.
- ГСЭ / ქართული საბჭოთა ენციკლოპედია. 1979. Tbilisi (ГСЭ. Том 4).
- Деолик Д. В., Крупнов Е. И. 1961. Змейское поселение кобанской культуры (археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии) // Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, 11–36.
- Джапаридзе О. М. / ჯაფარიძე ო. 1989. დასავლეთ საქართველოს კულტურა // საქართველოს ისტორიის ნარკვევები. t. 1. Tbilisi (Западногрузинская культура // Очерки истории Грузии. Т. 1. Тбилиси).
- Джибладзе Л. / ჯიბლაძე ლ. 2007. კოლხეთის დაბლობის ძვ.წ. III-II ათასწლეულების ნამოსახლარები. Tbilisi: darbegi (Поселения Колхидской низменности III–II тыс. до н. э. Тбилиси: Дарбеги).
- Долидзе Н. / დოლიძე ნ. 1999. ჩრდილო-დასავლეთ კოლხეთის გვიანბრინჯაო-ადრერკინის ხანის მხატვრული ნაწარმი (ლითონის სამკაული), საკანდიდატო დისერტაციის ავტორეფერატი, Tbilisi (Художественные изделия северо-западной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа (металлические украшения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси).
- Иващенко М. М. 1941. Материалы к изучению культуры Колхов // Материалы истории Грузии и Кавказа II. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1–66.
- Иессен А. А. 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК 120, 7–238.
- Инанишвили Г., Маисурадзе В., Гобеджишвили Г. / ინანიშვილი გ., მაისურაძე ბ., გობეჯიშვილი გ. 2010. საქართველოს უძველესი სამთამადნო და მეტალურგიული წარმოება (ძვ.წ. III-I ათასწლეულები). Tbilisi: artlainsi (Древнейшее горнорудное и металлургическое производство Грузии (III–I тыс. до н. э.). Тбилиси: Артлаинс).
- Каландадзе А. Н. / კალანდაძე ალ. 1953. სოხუმის მთის არქეოლოგიური ძეგლები. სოხუმი: აფხაზეთის სახელგაძი (Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: Абхазское государственное издательство).
- Козенкова В. И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М.: Наука.
- Коридзе Д. Л. / ქორიძე დ. 1965. კოლხური კულტურის ისტორიისათვის. Tbilisi: მეცნიერება (К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниერება).
- Крупнов Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР.
- Куфтин Б. А. 1944. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // ВГМГ XII-B, 291–441.
- Куфтин Б. А. 1949. Материалы к археологии Колхиды. I. Тбилиси: Техника და შრომა.

- Куртин Б. А. 1950. Материалы к археологии Колхиды. II. Тбилиси: Техника და შრომა.
- Лордкипანიძე О. 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецნიერება.
- Лордкиპანიძე О. / ლორთქიფანიძე ო. 2002. ძველი ქართული ცივილიზაციის სათავეებთან. Tbilisi: mecniereba (У истоков древней Грузинской цивилизации. Тбилиси: Мецნიერება).
- Лордкиპანიძე О. დ., მიქელაძე თ. კ. 1981. О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхида) в период великой греческой колонизации // О демографической ситуации в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо–1979. Тбилиси, 292–315.
- Лукин А. Л. 1941. Материалы по Археологии Бзыбской Абхазии // Труды ОИПК I. Л.: ГЭ, 17–98.
- მიქელაძე თ. კ. / მიქელაძე თ. 1974. ძიებანი კოლხეთისა და სამხრეთ-აღმოსავლეთ შავი ზღვისპირეთის უძველესი მოსახლეობის ისტორიიდან (ძვ.წ. II-I ათასწლეულები). Tbilisi: mecniereba (Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II–I тысячелетия до н. э.). Тбилиси: Мецნიერება).
- მიქელაძე თ. კ. / მიქელაძე თ. 1978. არქეოლოგიური კვლევა-ძიება რიონის ქვემო წელზე // კავში. I. Tbilisi: მეცნიერება (Археологические исследования в низовьях р. Риони // ТКАЭ I. Тбилиси: Мецნიერება).
- მიქელაძე თ. კ. / მიქელაძე თ. 1985. კოლხეთის ადრერკინის ხანის სამაროვნები // კავში II. Tbilisi: მეცნიერება (Колхидские могильники эпохи раннего железа. Урекский и Нигвзианский могильники // ТКАЭ II. Тбилиси: Мецნიერება).
- Панцхава Л., Сулава Н., Папуашвили Р. 2003. Колхидская, кобанская или колхидско-кобанская? // Кавказоведение 4, 102–117.
- Панцхава Л. Н. 1986. Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур // ВГМГ XXXVIII-В, 23–35.
- Панцхава Л. Н. / ფანცხავა ლ. 1988. კოლხური კულტურის მხატვრული ხელოსნობის ძეგლები. Tbilisi: მეცნიერება (Памятники художественного ремесла Колхидской культуры. Тбилиси: Мецნიერება).
- Папуашვილი Р. / პაპუაშვილი რ. 1998. გვიანბრინჯაო-ადრერკინის ხანის ცენტრალური კოლხეთის სამარხ ორმოთა ფარდობითი ქრონოლოგიისათვის საბრძოლო იარაღის მიხედვით. საკანდიდატო დისერტაციის ავტორეფერატი. Tbilisi) (К вопросу об относительной хронологии погребальных ям Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы и раннего железа (По материалам вооружения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси).
- Папуашვილი Р. / პაპუაშვილი რ. 1999. ერგეტის II სამაროვანი (სამარხი ორმო # 4) // Zm 3.106, 3–9 (II Могильник Эргета (погребальная яма № 4) // Дзеглис მეობარი 3.106, 3–9).
- Папуашვილი Р. О. 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Мамаев Х. М. (ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 79–92.
- პირცხალავა მ. ს. / ფირცხალავა მ. 1978. სკითური ტიპის ძეგლების საქართველოში გავრცელების საკითხისათვის // სას. I. Tbilisi: მეცნიერება, 31–54, 9–14) (К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии // Вопросы археологии Грузии I. Тбилиси: Мецნიერება, 31–54).
- Ростунов В. Л., Сикорский М. И. 1998. Природно-климатические условия Северо-Осетинской предгорной равнины и вопросы заселения ее человеком в эпоху

- голоцена // Археологическая конференция Кавказа: краткое содержание докладов. Тбилиси: АН Грузии; Археологическая комиссия Грузии, 106–108.
- Сахарова Л. / სახაროვა ლ. 1976. ლეჩხუმის 1970–1971 წწ არქეოლოგიური ექსპედიციის მუშაობის შედეგები // სმა მაცნე 3, 96–104) (Итоги работ 1970–71 гг. Лечхумской археологической экспедиции // Вестник Академии наук Грузии 3, 96–104).
- Сахарова Л. С. / სახაროვა ლ. 1998. კიდევ ერთხელ კოლხური ცულების ტიპოლოგიის შესახებ // Zieban 1, 34–42 (Еще раз о типологии колхидского топора // Дзиебани 1, 34–42).
- Сахарова Л. С., Сулава Н. О. К истории литейных форм для бронзовых изделий, обнаруженных в Грузии (в печати).
- Скаков А. Ю. 2005. К изучению хронологии Колхидской культуры // РА 3, 16–24.
- Скаков А. Ю. 2010. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Карпов Ю. Ю. (ред.). Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб.: Петербургское востоковедение, 48–67.
- Сулава Н. О. 1999а. Фибула a navicella, найденная на Черноморском побережье Грузии // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб.: ИИМК РАН, 280–281.
- Сулава Н. / სულავა ნ. 1999б. საქართველოში აღმოჩენილი ნავისებური ფიბულა // ძიებანი, დამატებანი I, 31–63 (Ладьевидная фибула, обнаруженная в Грузии // Дзиебани, приложение I, 31–63).
- Сулава Н. / სულავა ნ. 2003. შავი ზღვის აღმოსავლეთ სანაპიროს უძველესი კონტაქტები (ფიბულების მიხედვით) // Zieban 12, 70–74 (Древнейшие контакты восточного побережья Черного моря (по фибулам) // Дзиебани 12, 70–74).
- Сулава Н. О. 2004. К датировке и типологии фибул Тлийского могильника // Кавказоведение 5, 110–114.
- Сулава Н. / სულავა ნ. 2006. კავკასიის ფიბულები (ტიპოლოგია, ქრონოლოგია, გენეზისი). სადოქტ. დისერტ. ავტორეფ. Tbilisi (Кавказские фибулы (типология, хронология, генезис): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси).
- Техов Б. В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука.
- Техов Б. В. 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В. 1981. Тлийский могильник II (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В. 1985. Тлийский могильник III (комплексы второй половины VII — VI в. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В. 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Трапш М. М. 1969. Труды. Т. 2. Сухуми: Алашара.
- Хахутаишвили Д. А. 1987. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси: Мецниереба.
- Чкония А. М. / ჭყონია ა. 1981. ოქროს სამკაულები ვანის ნაქალაქარიდან. ვანი VI. თბილისი: მეცნიერება (Золотые украшения Ванского городища. Вани VI (Археологические раскопки). Тбилиси: Мецниереба).
- Apakidze J. / აფაქიძე ჯ. 2002. გვიანბრინჯაოსა და ადრერკინის ხანის კოლხური კულტურის ქრონოლოგია, ისტ. მეც. დოქტორის ხარისხის

- მოსაპოვებელი დისერტ. ავტორეფ. Tbilisi) (Die Chronologie der Spätbronze- und Früheisenzeitlichen Kolchis-Kultur (der Arbeit zur Erlangung des akademischen Grades der Habilitation in den Historischen Wissenschaften). Tbilisi).
- Apakidze J.* 2009. Die Chronologie der Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600–700 v. Chr. Teil 1, 2. Rahden/Westf.: Marie Leidorf GmbH (PAS 24).
- Bedianashvili G., Bodet C.* 2010. Koban necropolis, Tombs 9 and 12: The Late Bronze to the Early Iron Age of the Northern Caucasus // TÜBA-AR (Annual Journal of Archaeology) 13, 278–292.
- Bedoshvili G.* / ბედოშვილი გ. 2002. ქართული გეოგრაფიული სახელების ლექსიკონი. Tbilisi: ბაკურ სულაკაურის გამომცემლობა (Dictionary of Georgian Geographical Names. Tbilisi: Bakur Sulakauri Publishing).
- Gabidsaschwili G., Sacharova L., Sulawa N., Sulchanischwili D.* / გაბიდაშვილი გ., სახაროვა ლ., სულავა ნ., სულხანიშვილი დ. 2004. ლეჩხუმის არქეოლოგიური ექსპედიციის კვლევა-ძიების შედეგები (1989–1991 წწ) // საველე არქეოლოგიური კვლევა-ძიება 1989–1992 წლებში, 121–123) (Die Ergebnisse der Arbeiten der archäologischen Expedition in Letschchumi (1989–1991) // Archäologische Geländearbeiten in Georgien 1989–1992 (Kurze Berichte), 121–123).
- Khakhutaishvili D.* 2009. The Manufacture of Iron in Ancient Colchis. Oxford: Archaeopress (BAR IS 1905).
- Khakhutaishvili N.* 2005. Development of iron metallurgy in West Transcaucasia (Historical Kolkheti) // METALLA 12.1-2. Bochum: Deutsche Bergbau Museum, 80–87.
- Khakhutaishvili N.* / ხახუტაიშვილი ნ. 2009. ჭოროხის აუზის რკინის საწარმოო კერის კიდევ ერთი სახელოსნო უბანი // გონიო-აფსაროსი VIII. ბათუმი: შოთა რუსთაველის სახელმწიფო უნივერსიტეტი, 90–107 (One More Workshop Sector of the Iron Production Center in Chorokhi Gorge // Gonio-Apsarus (Activities) VIII. Batumi: Shota Rustaveli State University, 90–107).
- Kossack G.* 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 5. München: C. H. Beck, 89–186.
- Lordkipanidze O.* / ლორთქიფანიძე ო. 2001. „განძები“ კოლხურ ბრინჯაოს კულტურაში (ფუნქციის დეფინიციისა და კულტურულ-სოციოლოგიური ინტერპრეტაციის ცდა) // ძიებანი, დამატებანი VI, 178–194 (“Hoards” in Colchian Bronze Culture (an attempt of functional definition and sociological and ethnocultural interpretation) // Dzebani, Supplement VI, 178–194).
- Lordkipanidze N.* / ლორთქიფანიძე ნ. 2002. არგონავტების მითის ინტერპრეტაცია აღრებერძულ მხატვრულ კულტურაში. ფილოლოგიის მეცნ. კანდ. სამეცნ. ხარისხის მოსაპ. დისერტ. ავტორეფერატი. Tbilisi (Interpretation des Argonautenmythos in der frühgriechischen Kultur. Autoreferat Kand. der Philologischen Wissenschaften. Tbilisi).
- Lordkipanidze N.* / ლორთქიფანიძე ნ. 2004. არგონავტების მითის ასახვა აღრებერძულ კულტურაში. Tbilisi (Argonautenmythos in der Frühgriechischen Kultur. Tbilisi).
- Mikeladze T.* 1995. Grosse kollektive Grabgruben der Frühen Eisenzeit in Kolchis // Archäologischer Anzeiger 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1–22.
- Mikeladze T. K., Chachutaišvili N.* 1984. Namčeduri, ein bronze- bis eisenzeitlicher Siedlungshügel am Schwarzen Meer // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 6, 199–226.
- Pirtskhalava M.* 1995. Monuments of Scythian Culture in Georgien // Archäologischer Anzeiger 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 53–62.

- Pirtskhalava M.* / ფირცხალავა მ. 2001. საქართველოს ე.წ. სკვითურინვენტარიანი არქეოლოგიური კომპლექსების დათარიღების საკითხისათვის, *Ziebandi* // *Ziebandi*, დამატებანი IV, 77–86 (On the dating of some burials with the inventory of Scythian type from Georgia // *Dziebandi*, Supplement IV, 77–86).
- Pruß A.* 1990. Zur Chronologie des Gräberfeldes von Tli. Arbeit zur Erlangung des Magistergrades. Saarbrücken.
- Pruß A.* 1993. Zur Chronologie des Gräberfeldes von Tli // *Georgica* 16, 25–48.
- Pruß A.* 1994. Zur Chronologie des Gräberfeldes von Tli // *Georgica* 17, 13–22.
- Reinhold S.* 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.
- Sulava N.* / სულავა ნ. 2000. თლიას სამაროვნის ფიბულებიანი კომპლექსების დათარიღებისათვის // *Ziebandi* 6, 38–45 (Towards dating the complexes with Fibulae at the necropolis of Tlia // *Dziebandi* 6, 38–45).
- Sulawa N.* 2001a. Letschchumi — eine bedeutendste frühe Metallurgie — Region in der Kolchis // *Gambaschidze I. et al.* (Hrsg.). Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlieses. Ausstellungskatalog des Deutschen Bergbau-Museums Bochum. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 186–187.
- Sulawa N.* 2001b. Gussform // *Gambaschidze I. et al.* (Hrsg.). Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlieses. Ausstellungskatalog des Deutschen Bergbau-Museums Bochum. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 375.
- Sulava N.* / სულავა ნ. 2001c. კიდევ ერთი ნავისებური ფიბულა აფხაზეთის სანაპიროდან // *Ziebandi* // დიებანი დამატებანი IV, 74–76 (One more boat-shaped fibula found on The Abkhasien Coast // *Dziebandi*, Supplement IV, 74–76).
- Sulava N.* 2008. On a small mould discovered in mountainous Colchis // *Ünsal Yalçın et al.* (eds.). Ancient mining in Turkey and the Eastern Mediterranean. Ankara: Atılım University, 299–305.
- Sulava N.* / სულავა ნ. 2010. ბრინჯაოს ნივთებზე „ფანტასტიკური“ ცხოველების გამოსახულებების გავრცელების შესახებ // *Ziebandi* 19, 154–159 (On the diffusion of representations of “fantastic” animals on bronze items // *Dziebandi* 19, 154–159).
- Sulava N.* / სულავა ნ. 2011. კავკასიის ფიბულები (ტიპოლოგია, ქრონოლოგია, გენეზისი). Tbilisi (The Caucasian Fibulae (Typology, chronology, genesis). Tbilisi: National Museum of Georgia.